
Ася Ламбер
В ОБЪЯТИЯХ
ШТОРМА

Ася Ламбер
В объятиях шторма

https://litres.ru/74751987
SelfPub; 2026

Аннотация

Анне Ветровой тридцать два года. У неё долг, который нечем закрыть, и репутация, которую девушка потеряла вместе с проектом «всей жизни». Последний шанс всё изменить — реставрация витража в старом маяке на краю скалы. Если справится, получит контракт и закроет долг. Если нет — работу отдадут фирме с красивым слоганом и сайтом.

На маяке её встречают красные кресты на стенах и мужчина с баллончиком в руке. Максим Ковалёв выкупил участок, чтобы снести башню. Он резок, закрыт и давно уверен: все его попытки найти крепкие отношения обречены.

Потом приходит шторм. Оползень отрезает дорогу, и они остаются в башне вдвоём. Электричества нет, провода оборваны, но по ночам на маяке появляется свет. А в дневнике смотрителя столетней давности обнаруживается история любви, которая начинается также, как и у нынешних героев.

Она не верит мужчинам, он не верит, что способен полюбить и построить отношения. Смогут ли они быть вместе или маяк повторит трагедию столетней давности?

Содержание

Глава 1. «Чужой на маяке» 4
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Ася Ламбер
В объятиях шторма

Глава 1. «Чужой на маяке»

Дорога к маяку закончилась там, где закончился асфальт. Дальше Анна ехала наугад — по двум колеям, продавленным в рыжей хвойной подстилке, между сосен, которые стояли так плотно, словно лес решил никого не пускать к морю. «Фольксваген» ворчал на каждом корне. На пассажирском сиденье подпрыгивал ящик с инструментами, и стеклорезы в нём позвякивали, как столовое серебро в буфете, который перевозят на новую квартиру.

Новой квартиры у Анны не было. Не было и старой. Об этом она старалась не думать, поэтому думала о стекле.

«Витраж Звезда над водой, около 1912 года, свинцовый набор, цветное стекло, предположительно — мастерская Эйхвальда. Состояние неизвестно». Так было написано в письме районной администрации и так же скупо — в договоре, который лежал в бардачке под салфетками и сломанной зарядкой. Заключение о состоянии витража — к пятнице. Если заключение окажется положительным, а смета разумной, мастерская Анны Ветровой получит контракт на реставрацию всех окон маяка. Сумма в договоре стояла такая, что

Анна впервые за год перестала считать копейки на бензин и начала считать месяцы: сколько осталось до дня, когда можно будет закрыть долг.

Если заключение будет отрицательным или его не будет вовсе, работа уйдёт столичной фирме, у которой есть сайт, штат и репутация. Репутации у Анны не было. Её забрали вместе с проектом, вместе с квартирой и с её фамилией на титульном листе — аккуратно, по порядку, с папкой документов и сочувственным лицом. «Она нестабильна, — сказали о ней на том совете. — Мы все очень за неё переживаем».

Она переключила передачу резче, чем следовало, и машина дёрнулась.

Утром звонила мать. Анна не взяла — мыла кисти, и вода в раковине была такая холодная, что руки сводило. Перезвонила уже из машины, на обочине, с включённой аварийкой.

— Ты опять за своё, — сказала мать вместо «здравствуй». — Я говорила с Людой. У неё зять в фирме, которая делает витражи для церквей. Там стабильно, там платят вовремя. Ты можешь просто прийти и показать свои работы. Никто не просит тебя...

— Мама.

— Что «мама»? Ты в тридцать два года живёшь в съёмной даче с протекающей крышей и реставрируешь окна в заброшенных сараях. Я не говорю, что это плохо. Я говорю, что так нельзя.

— Я перезвоню.

— Ты всегда перезваниваешь, когда тебе удобно. А мне удобно сейчас.

Анна смотрела, как по лобовому стеклу ползёт капля, оставляя за собой мокрый след. За обочиной стояли сосны, и в их стволах было что-то такое, от чего хотелось закрыть глаза.

— Я получила заказ, — сказала она. — Настоящий. Маяк. Витраж начала двадцатого века, мастерская Эйхвальда. Если всё получится, я смогу закрыть долг.

Мать помолчала. Потом сказала, тише:

— А если не получится?

— Тогда я приду к Людиному зятю и покажу работы.

— Ты смеёшься.

— Немного.

— Анна.

— Мама, я перезвоню. Правда.

Она сбросила вызов и ещё минуту сидела, глядя, как капля доползла до края стекла и упала. Потом включила передачу и поехала дальше.

Лес расступился неожиданно. Только что в лобовом стекле были стволы — и вдруг небо: серое, низкое, набухшее, как мокрая вата, а под ним, на краю скалы, — маяк.

Он оказался меньше, чем на старых фотографиях, и выше, чем она ожидала. Белая башня, облупившаяся до серого, с чёрным поясом у основания и узкими окнами, которые под-

нимались вверх по спирали, будто кто-то медленно закручивал винт. Наверху — фонарная галерея, оплетённая ржавыми перилами. Рядом — приземистый флигель с трубой, из трубы вился тонкий дымок. Сарай. Какие-то постройки, вросшие в гранит. Дальше обрыв, а за обрывом — море, тёмное, тяжёлое, без единого блика. Волны шли к берегу длинными рядами, медленно, как люди, которые знают, что спешить некуда.

Анна выключила двигатель и несколько секунд просто сидела, слушая, как остывает мотор. В груди было тихо и тесно одновременно. Так бывало, когда она брала в руки очень старое стекло и вдруг понимала: кто-то сто лет назад выдыхал в трубку, раздувая этот пузырь, и в нём до сих пор живёт его дыхание.

Потом она заметила машины.

У подножия башни стояли два чёрных внедорожника с городскими номерами и жёлтый рабочий фургон. Возле фургона возились люди в оранжевых жилетах: разматывали рулетку, выставляли на штативах приборы, перекрикивались короткими деловыми фразами. Один нёс на плече нивелирную рейку, другой — пластиковый ящик, из которого торчал баллончик с краской.

Красный баллончик.

Анна вышла из машины, и ветер ударил в лицо — солёный, холодный, пахнущий водорослями и мокрым камнем. Она захлопнула дверь, обошла капот и тогда увидела стену.

На белёной кладке, на уровне глаз, красной краской был нарисован крест. Крупный, жирный, с потёками. Второй — рядом. Третий — прямо на входной двери, поверх старой таблички «Вход воспрещён». А чуть ниже, у самого основания башни, чья-то уверенная рука вывела цифры «1-А» и стрелку, указывающую вниз.

Анна не сразу заметила, что идёт. Просто вдруг оказалась у стены и провела по ней пальцами — по кресту, по влажной краске, которая уже въедалась в старую известь. Известь была живая, шершавая, тёплая от прошедших лет, и эта красная гадость лежала на ней, как плевок.

— Не трогайте, — сказал кто-то за спиной. — Ещё не высохло.

Голос был низкий, негромкий и совершенно не заинтересованный в её ответе. Анна обернулась.

Он стоял в трёх шагах, с баллончиком в опущенной руке. Выше, чем казалось издалека. Тёмно-зелёная куртка армейского покроя, расстёгнутая на ветру, сидела на нём как на человеке, который носит её не ради красоты. Тёмные волосы, коротко стриженные, с ранней сединой на висках. Лицо из тех, что не разглаживаются: складка между бровями, жёсткая линия рта, тени под глазами — не от одной бессонной ночи, а от многих. Лет тридцать пять. Может, больше. Серые глаза смотрели на неё так, как смотрят на погоду: оценивая, не станет ли она проблемой.

— Это вы сделали? — Анна кивнула на крест.

— Я.

— Вы понимаете, что краска въедается в известковую кладку? Её не смоешь, она уйдёт в поры. Этой штукатурке больше ста лет, и вы...

— Её не придётся смывать, — сказал он.

Фраза прозвучала спокойно, почти буднично, и от этого спокойствия у Анны по спине прошёл холодок. Она не поняла, что именно в ней не так. Просто почувствовала, как в воздухе что-то сместилось, будто в комнате передвинули мебель, а она вошла в темноте.

— Вы вандал, — сказала она.

Один из людей в жилетах за его спиной кашлянул, пряча усмешку. Мужчина не обернулся. Уголок его рта дрогнул — не улыбкой, чем-то более сухим.

— Обычно меня называют иначе.

— Охотно верю.

Он окинул её взглядом — быстро, но не торопливо, от стоптанных ботинок до пряди, выбившейся из-под шапки. Выцветшая куртка, джинсы с въевшимися пятнами флюса и припоя, тяжёлый ящик, который она, оказывается, всё это время тащила за собой. Анна прочитала в этом взгляде приговор раньше, чем он его произнёс.

— Турбаза в двенадцати километрах южнее, — сказал он. — Там, говорят, красивые закаты. Этюды лучше писать оттуда. Здесь рабочая площадка, девушка, и в ближайшие дни она будет небезопасной.

«Девушка». Тридцать два года, и вот — «девушка». Слово ударило не сильнее прочих, но легло на старое место: туда, где уже лежали «нестабильная», «эмоциональная», «увлекающаяся натура». Анна выпрямилась и поставила ящик на землю — медленно, чтобы не швырнуть.

— Я не художница, — сказала она ровно. — Я реставратор витражей. Анна Ветрова. Меня пригласила районная администрация для осмотра окон. У меня договор, допуск и срок до пятницы. А вот кто вы — я пока не поняла.

Он молчал. Дольше, чем требовалось. Потом убрал баллончик в ящик — аккуратно, как убирают инструмент, который ещё пригодится.

— Максим Ковалёв. Объект выкуплен моей компанией три месяца назад. Администрация, видимо, забыла вам об этом сообщить.

— Выкуплен для чего?

— Для реконструкции.

— А кресты на дверях — это у вас такая реконструкция?

— Это разметка.

— Чего?

Он посмотрел на неё снова, и теперь в его взгляде что-то изменилось. Не помягчело — нет. Стало внимательнее. Как будто он только что заметил, что перед ним не очередное недоразумение в старой куртке, а человек, который задаёт правильные вопросы.

— Документы — завтра, — сказал он. — Сейчас у меня

нет времени что-либо объяснять. Смотрите, что вам нужно, и не мешайте людям работать.

— Мне нужно окно.

— Какое?

— «Звезда над водой». Лестничный пролёт, восточная сторона, второй ярус. — Она уже не думала, что говорит; слова шли сами. — Пока я не дам заключение, никто не вправе ничего здесь трогать. Если вы действительно собираетесь что-то строить, вам всё равно понадобится акт о состоянии. Без него у вас будут проблемы с охранным ведомством.

Это была чистая импровизация. Анна понятия не имела, какие у него могут быть проблемы с каким ведомством. Но по тому, как Ковалёв чуть прищурился, поняла: попала если не в цель, то рядом.

— Пять минут, — сказал он наконец. — Каска на заднем сиденье фургона. Ступени там ненадёжные, держитесь за перила.

— Я справлюсь.

— Не сомневаюсь. Справляться вы, по-моему, любите.

Она хотела ответить, но он уже шёл к двери, и ей оставалось только надеть каску, которая оказалась на два размера больше, и пойти следом, чувствуя, как горят щёки — от ветра, разумеется. Только от ветра.

Один из рабочих, молодой парень с обветренным лицом, придержал для неё дверь фургона, где лежали каски.

— Берите крайнюю, — сказал он вполголоса. — Она чистая.

— Спасибо.

— Вы, это, — он покосился на спину Максима, — не спорьте с ним сильно. Он нормальный. Просто у него... — парень поискал слово и не нашёл. — У него тут всё всерьёз.

— Я заметила.

— Он не злой. Он просто как будто уже один раз что-то такое видел, после чего люди либо ломаются, либо становятся вот такими.

— Какими?

Парень пожал плечами и ничего не ответил. Забрал свой ящик и ушёл к штативу, а Анна осталась стоять с каской в руках, которая была ей велика на два размера, и думать о том, что чужие люди почему-то всегда считают нужным объяснять ей чужую жизнь.

Дверь, помеченная красным крестом, открылась с протяжным стоном, и на Анну пахнуло башней: сыростью, ржавым железом, птичьим помётом, старой краской и солью, которая, кажется, въелась в камень навсегда. Внутри было темно и холодно, как в колодце. Лестница — чугунная, витая — уходила вверх и терялась в полумраке, а каждая её ступень была стёрта посередине полукруглой впадиной: сто лет сапог, сто лет шагов.

Максим пошёл первым. Он двигался по лестнице легко и бесшумно — для человека его сложения слишком бесшум-

но, — и Анна поймала себя на том, что смотрит ему в спину и считает его шаги. На седьмой ступени сквозняк дёрнул полу её куртки, и Анна машинально схватилась за перила — чугун был ледяной, шершавый от ржавчины, и в нём чувствовалась та же усталость, что и в стенах. На двенадцатой ступени она услышала, как где-то наверху, в башне, что-то скрипнуло — не дерево, не металл, а что-то среднее, как будто по чугунной решётке провели ногтем. Максим не обернулся. То ли не услышал, то ли привык.

На четвёртом пролёте одна из ступеней оказалась пробита насквозь: чёрная дыра, в которой гудел сквозняк. Он остановился и протянул ей руку.

— Здесь.

— Вижу.

Она переступила сама, ухватившись за холодные перила, и почувствовала на себе его взгляд. Не насмешливый — другой, непонятный. Рука его медленно вернулась в карман.

Анна не любила, когда ей протягивали руку. Слишком много людей в её жизни говорили «держись за меня», чтобы потом отпустить в самый удобный для себя момент.

Окно ждало их на втором ярусе, на повороте лестницы.

Она увидела его — и забыла, где находится.

Высокое, стрельчатое, почти в три метра, оно занимало всю восточную стену пролёта. День был пасмурный, свет шёл через стекло скупо, но стеклу не требовалась щедрость. Оно горело само. Синее — глубокое, как вода перед штормом.

Зелёное — с прожилками, как старая морская бутылка. Янтарь, дымчато-розовый, холодное серебро. В центре стояла фигура в длинном плаще, то ли женская, то ли мужская, не разобрать, с низко надвинутым капюшоном и лампой в поднятой руке, обращённая лицом к морю. Над ней — звезда о семи лучах. Под ногами — волны, набранные мелкими осколками, и каждый осколок чуть другого оттенка, так что вся нижняя часть слегка дышала.

Анна подошла вплотную. Руки поднялись сами, не касаясь стекла: она всегда делала так, словно грела ладони о чужой огонь.

— В маяках редко встретишь витраж, — сказала она, не оборачиваясь. — Не потому, что не умели. Море не прощает роскоши. Здесь всё должно выдерживать удар, поэтому окна делают маленькими, с толстым стеклом, часто с решёткой снаружи. — Она провела ладонью по воздуху, повторяя изгиб рамы. — Но это окно выходит не на открытое море. Восточная сторона, за скалой, ветер сюда не достаёт так, как с запада. Его поставили не для света. Для красоты. Или для памяти.

— Для памяти, — повторил Максим. Не спросил — просто повторил, как человек, который проверяет слово на вес.

— Кто-то сто лет назад заплатил большие деньги за то, чтобы в башне, где всё подчинено прочности, было одно окно, которое просто красиво. — Анна наконец обернулась. — Это не ошибка строителя. Это чьё-то решение. И оно гово-

рит о человеке больше, чем все документы.

Повреждения были серьёзные. Нижняя треть окна провисла: свинцовые профили устали, потеряли форму, и стёкла в них перекосились. По швам тянулись белые налёты окиси. Два фрагмента в волнах треснули, один выпал вовсе, оставив пустое пятно — грязно-серую дыру, сквозь которую виднелась кладка. И самое страшное: в руке фигуры, там, где должна была гореть лампа, не хватало главного куска. Стеклянный огонёк когда-то провалился, и на его месте зияла пустота.

— У лампы нет пламени, — тихо сказала Анна.

— Оно выпало лет двадцать назад. По рассказам.

— Его можно восстановить. Нужно найти янтарное стекло с тем же коэффициентом расширения, иначе при первом морозе... — Она осеклась. Она не хотела объяснять ему технологию, но слова уже шли — торопливые, горячие, как всегда, когда она видела что-то, что ещё можно спасти. — Нижнюю секцию нужно снять, расплести, перепаять на новом свинце. Раму тоже заменить, она поплыла. Но сам набор цел, понимаете? Работа цела. Тот, кто это делал, делал на совесть. Сто с лишним лет, а цвет не выгорел, ни один кусок не потускнел...

— Рама гнилая, — сказал Максим. — Кладка вокруг проёма треснула вот здесь и здесь. — Он показал, не поворачиваясь, просто провёл рукой по воздуху, как человек, который видит чертёж. — При хорошем ветре оно выйдет из проёма

целиком. Держится на упрямстве.

— Как и многое, — сказала Анна.

Он наконец посмотрел на неё. Тусклый свет, пробивавшийся сквозь синие стёкла, лёг ему на лицо холодным пятном, и в этом свете он выглядел старше и почему-то беззащитнее, чем во дворе.

— Послушайте, — сказал он. — Вы, наверное, хороший специалист. Я не спорю. Но вы смотрите на это окно как на живое существо, а я вижу нагрузку, трещину и срок. Здание выработало ресурс. Есть вещи, которые нельзя спасти, как бы вам этого ни хотелось.

— Вы не понимаете, что разрушаете, — сказала Анна.

Слова вылетели раньше, чем она успела их обдумать, и повисли между ними, как брошенная перчатка.

— Я понимаю лучше, чем вы думаете.

Он не повысил голос. Но что-то в нём изменилось: стало глуше, тяжелее, словно фраза была вынута из очень глубокого кармана. Анна должна была бы отступить. Вместо этого она шагнула ближе.

Их разделяло теперь полтора шага. Она была ему по плечо, он — хозяин этой башни, а она — незваная гостья с ящиком стеклорезов и чужой каской на голове. Это было глупо. Но она смотрела ему в глаза, и он смотрел в ответ, и воздуха между ними становилось всё меньше. В какой-то момент Анна поняла, что не слышит ни ветра, ни голосов внизу, ни собственных мыслей — только его дыхание, ровное, нарочи-

то спокойное, и свой пульс в висках. Она не отводила взгляда. Он тоже.

На его запястье она заметила старые часы с трещиной на стекле — дешёвые, потёртые, совсем не вяжущиеся с дорогими внедорожниками у входа. Он перехватил её взгляд и спрятал руку.

— Здания не падают сами, — сказала Анна. Тихо, почти шёпотом, и сама не понимала, откуда берутся слова. — Их роняют. Те, кто не досмотрел. А потом объявляют, что спасать уже нечего.

Эффект был такой, будто она нажала на кнопку, о существовании которой не знала.

Лицо Максима не дрогнуло. Именно это и было страшно. Оно просто остановилось, как останавливаются часы: серые глаза сначала опустели, потом потемнели до цвета мокрого гранита. Рука на перилах побелела в костяшках. Где-то в дыре, где раньше был кусок волны, засвистел ветер — тонко, протяжно, как далёкий голос.

Анна поняла, что сказала что-то непоправимое. Не поняла только — что.

— Я... — начала она.

В кармане его куртки завибрировал телефон. Максим достал его, взглянул на экран, и Анне показалось, что он обрадовался этому звонку — с таким облегчением, какого не успел скрыть. На экране светилось одно слово: «Олег».

— Да, — сказал он в трубку, не отводя от неё глаз. —

Нет. Я же сказал, позже. Нет, документы не трогай. — Он помолчал. — Я сказал, позже.

Он сбросил вызов и убрал телефон. Когда заговорил снова, голос был прежним — ровным, деловым и чужим.

— Время вышло.

Они спустились молча. На той самой дыре в ступени она снова переступила сама, и на этот раз он руки не протянул. Внизу, у двери, он остановился и посмотрел на небо, где за последние минуты серая вата потемнела до свинцовой.

— Метеорологи обещают шторм к вечеру, — сказал он. — Дорога одна, вдоль обрыва, и она размокнет первой. Если пойдёт дождь, уедете раньше, чем успеете захотеть.

— Я не уеду, — сказала Анна.

— Посмотрим.

— Завтра вы покажете мне документы.

— Завтра покажу.

Она кивнула, подняла свой ящик и пошла к машине, стараясь не оглядываться. Ветер трепал полы куртки, поднимал с земли сухую хвою. В кармане завибрировал её собственный телефон — «Мама». Анна перевернула его экраном вниз, не отвечая.

У дверцы она всё-таки остановилась и подняла голову.

И увидела свет.

В самом верху башни, в узком окне под фонарной галереей, вспыхнул тёплый, неровный огонёк — не электрический, живой, дрожащий, как пламя свечи или лампы с фитилём.

Он горел секунд пять. Потом погас, будто его накрыли ладонью.

— Там кто-то есть, — сказала она, повернувшись.

Максим стоял на том же месте. Он тоже смотрел наверх, и лицо его было странным: не испуганным, не удивлённым. Скорее узнающим. Но когда он опустил глаза и встретился с ней взглядом, на лице снова была глухая непроницаемость.

— Там никого нет, — сказал он. — Электричество отключили три года назад.

— Я не сказала про электричество.

Он ничего не ответил. Развернулся и пошёл к своим людям, не оглядываясь, а в окне флигеля шевельнулась занавеска: кто-то наблюдал за ними и тут же отпрянул.

Анна ещё раз посмотрела наверх. Окно под галереей было тёмным, пустым, и в нём отражалось только небо — серое, тяжёлое, без единого просвета. Она попробовала найти объяснение: отражение фары, блик от чьей-то каски, случайный луч между тучами. Ни одно не подходило. Фары были выключены. Каски — внизу. Тучи — сплошные.

Свет был тёплый. Живой. Такой, какой бывает только у огня, который кто-то держит в руках.

Анна села в машину, захлопнула дверь и несколько секунд просто держала руки на руле. Они дрожали — но не от холода. Она хорошо знала эту дрожь: так бывало, когда она находила в старой работе что-то, что нельзя бросить. И так бывало, когда она понимала, что человек перед ней опасен —

не потому, что хочет причинить зло, а потому, что сам смертельно боится причинить его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.